

АНАСТАСИЯ ДЕС

Я ПОПАЛА В МИР,
— ГДЕ ВСЯ ЕДА —
ВКУСНАЯ!

Анастасия Дес Я попала в мир, где вся еда вкусная!

<https://litres.ru/74005774>

SelfPub; 2026

Аннотация

После унижительного расставания Аня случайно попадает в волшебный мир Гурмэ, где еда не делает толще, а возвращает силу, красоту и вкус к жизни. Здесь её ждут магическая кухня, опасная тайна, обаятельный менестрель и выбор, от которого зависит не только её судьба. Но хватит ли 60 дней, чтобы изменить тело, сердце и мир, где стыд давно выдают за добродетель?

Содержание

Пролог. Стеклоанное сердце в кофейной гуще.	4
Глава 1. Старая «Электра» пахнет ванилью.	9
Глава 2. Падение в стог сена с ароматом муската.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия Дес Я попала в мир, где вся еда вкусная!

Пролог. Стеклоанное сердце в кофейной гуще.

В мире, где люди разучились чувствовать вкус еды, потому что слишком заняты подсчётом калорий и разглядыванием чужих тарелок в социальных сетях, в городе, где дождь пахнет не озоном, а выхлопными газами и дешёвыми сигаретами, жила девушка по имени Аня. По паспорту она была Ковалёва, но постоянные посетители кофейни «Brew & Bean» на углу Садовой и Пыльной знали её иначе: как ту самую полную девушку-бариста, которая рисует на пенке лебедей.

Лебеди у Ани выходили удивительные. Тонкой струйкой вспененного молока она могла вывести изгиб шеи, клюв и даже крошечное крыло, будто покачивающееся на поверхности латте. Но гости, глядя на это маленькое совершенство, чаще задерживали взгляд не на чашке, а на том, как натягивается на её спине форменная рубашка-поло. Аня чувство-

вала эти взгляды кожей. Они были липкими, как разлитый сироп, и горькими, как пережжённое зерно.

При росте сто шестьдесят пять сантиметров она словно занимала в мире больше места, чем ей было позволено. Она не была ни рыхлой, ни болезненной. В ней чувствовалась крепость: сильные руки, тяжёлые бёдра, мягкий живот, тонкие запястья, аккуратные уши и огромные карие глаза цвета крепкого эспрессо. Но в мире, где правят бал смузи из сельдерея, обезжиренные батончики и бесконечная оценка чужих тел, даже самая живая телесность быстро превращается в повод для суда. Этот суд Аня и носила на себе каждый день.

День начался с запаха жжёного сахара и беды. С самого утра у неё под ложечкой жила смутная тревога. Она списала её на голод: на завтрак была только половинка безвкусного яблока, хотя ей до дрожи хотелось пышного круассана с шоколадом из пекарни напротив. Она смотрела на него через стекло витрины, пока готовила кофемашину к открытию. Тесто слоилось, шоколад блестел. Аня почти чувствовала, как хрустнула бы корочка и как горячая начинка обожгла бы нёбо. Но нет. Вадим сказал, что ей нужно «слегка подсушиться к лету».

Вадим.

Её парень. Вернее, как выяснилось ближе к полудню, уже бывший.

Он был фитнес-тренером с вечно влажными после душа

волосами и улыбкой, от которой у Ани сводило скулы. Она убеждала себя, что это любовь. Вадим мог часами рассуждать о гликемическом индексе гречки, вреде молочной пенки и дисциплине как высшей форме заботы. Для Ани, которая жила ради этой самой пенки, он был как инопланетянин. Одинокий, странный и почему-то выбравший именно её.

Когда стрелка часов приблизилась к полудню, в зале звякнул колокольчик. Вошёл Вадим. Не в спортивном костюме, а в светлой рубашке. Уже это было дурным знаком. Аня всё равно улыбнулась и потянулась за большой кружкой, чтобы приготовить ему мокко с обезжиренным молоком и без сахара – его ритуальный напиток, похожий по вкусу на разбавленную водой грязь.

– Привет, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Сейчас сделаю тебе сердце из горького шоколада. Смотри.

Она ловко влила молоко, и на тёмной поверхности кофе распустилось ровное, красивое сердце, затянутое тонкой коричневой вуалью сиропа.

Вадим сел на высокий стул у стойки. На кофе он не смотрел. Он смотрел на натянутую ткань у неё на животе.

– Ань, не надо, – тихо сказал он.

– Что не надо? Кофе? – Она ещё улыбалась, надеясь, что он просто не в духе.

– Нам надо заканчивать. Я больше так не могу. Ты не стараешься. Я вожу тебя по врачам, расписываю питание, а ты

вчера, я видел, ела вафлю в парке.

Вафлю.

Обычную венскую вафлю с сахарной пудрой. Аня съела её, спрятавшись за киоском с мороженым, потому что шла с работы и от голода у неё кружилась голова.

Она смотрела на Вадима, а шоколадное сердце на поверхности кофе медленно расплывалось, теряя очертания и превращаясь в бесформенную кляксу.

– Вадим...

– Прощай, Аня. Извини. Я устал тащить этот воз. Посмотри на себя в зеркало, пока готовишь.

Он даже не притронулся к кружке. Просто встал и вышел. Колокольчик на двери звякнул особенно противно, будто насмешливо.

Аня осталась за стойкой. Кофемашина шипела паром. Из колонок лилась пошлая поп-песня о счастливой любви. Она смотрела на расплывшееся шоколадное сердце и думала, что именно так сейчас и чувствует себя: бесформенной и ненужной.

Она взяла кружку. Кофе уже остыл. Сделала глоток. Горечь какао смешалась с солью слёз, которые капали прямо в чашку. Это был самый невкусный кофе в её жизни. Но она допила его до конца, до самой кофейной гущи, осевшей на дне мутным тёмным илом.

В «Brew & Bean» почти никто не считал нужным скрывать, что тело Ани для окружающих всегда было отдельной темой

разговора. Не злой в прямом, грубом смысле, а той вкрадчивой бытовой жестокостью, которая и делает стыд особенно липким. Утренняя менеджер Инга, высокая девушка с острыми косточками на запястьях и привычкой жевать салат прямо из пластикового контейнера, каждый вторник приносила в подсобку новые «полезные находки»: то порошок из водорослей, который якобы отбивал тягу к сладкому, то батончики с текстурой прессованного картона, то распечатанную с модного сайта таблицу разрешённых и запрещённых продуктов.

– Я тебе ничего не навязываю, – говорила она тем самым тоном, которым люди всегда что-то навязывают. – Просто жалко тебя. Ты ведь симпатичная. Если бы немного собралась, у тебя вообще всё наладилось бы.

Под «всё» обычно подразумевалось то, что Аня и так знала наизусть: мужчина бы не смотрел с презрением, джинсы застёгивались бы легче, в раздевалке спортзала не приходилось бы дышать тише, а в зеркалах магазинов одежды будто исчезал бы этот лишний человек, занимающий слишком много места.

Аня кивала, потому что спорить на работе было слишком дорого для нервов. Потом выбрасывала очередной батончик в мусор. А вечером, возвращаясь домой, покупала в кругло-суточной пекарне слойку и ела её на остановке, прикрывая ладонью рот так, словно совершала преступление.

Глава 1. Старая «Электра» пахнет ванилью.

Смена тянулась бесконечно. Аня обслуживала посетителей на автомате: улыбка, «ваш капучино», чек, следующий. Она не плакала. Слезы давно высохли, оставив на щеках невидимую корочку соли. Внутри было пусто, как в выбитом холдере после кофейной таблетки.

Когда последний посетитель ушёл и на двери появилась табличка «Закррито», Аня занялась уборкой. Это была её медитация. Она вытирала столы, мыла холодильник для молока, приводила в порядок стойку и наконец подошла к главному сокровищу заведения – старой кофемашине «Электра».

Хозяин кофейни, скряга Михаил Борисович, купил её лет десять назад на блошином рынке в Милане. Он уверял, что взял раритет почти за бесценок. Машина и правда была не просто техникой, а почти музейным предметом: медь, бронза, ручки из слоновой кости, если верить хозяину, и огромный орёл, венчающий бойлер. «Электра» работала через раз, капризничала, плевалась кипятком, но кофе из неё получался таким, какой не снился современным автоматам с сенсорными экранами.

В тот вечер Аня чистила машину с особенной тщательностью. Открутила рожок, выбила отработанную таблетку, и

влажная кофейная гуща упала в мусорное ведро. Аня машинально опустила взгляд – и замерла.

На поверхности гущи проступал рисунок.

Не просто случайные разводы, а вполне различимый силуэт: чашка, а над ней пар в форме сердца.

– Привидится же, – пробормотала она и вытерла руки о фартук.

Она повернула рычаг подачи пара. Из трубки вырвалась струя горячего воздуха, но вместо привычного шипения Аня услышала звук, похожий на глубокий, почти мелодичный вздох. В ту же секунду в воздухе запахло не хлоркой, кофе и мокрой тряпкой, а ванилью. Настоящей, дорогой, мадагаскарской ванилью, смешанной с кардамоном и чем-то ещё, тёплым, сладким, почти детским – как бабушкины булочки с корицей.

Пар сгушался на глазах. Он не рассеивался, как должен был, а собирался над рожком в золотистое облако, которое медленно скручивалось в воронку.

– Что за...

Аня шагнула ближе. Сначала она решила, что просто сдают нервы. После такой смены даже стук холодильника мог показаться осмысленным, а кофейная пена – живой. Но здесь всё было слишком последовательным. Запах не исчезал. Наоборот, в него вплетались всё новые и новые слои: топлёное молоко, тёплый хлеб, подсушенный миндаль, апельсиновая цедра. Как будто изнутри старой машины под-

нималась не неисправность, а чья-то чужая кухня.

Не понимая зачем, Аня начала действовать так, как действовала всегда в тревоге: проверять детали. Закрыла подачу воды. Проверила рожок. Коснулась бойлера. Прислушалась к давлению. Если мир рушился, хотя бы кофемашина должна была оставаться понятной.

И именно в этот момент она увидела своё отражение на медном боку «Электры».

Оно было неровным, искажённым изгибами корпуса, но всё же узнаваемым. Усталое лицо. Опухшие после сдержанных слёз глаза. Ворот рубашки вдавился в шею. Прядь волос прилипла к щеке. И вдруг Аня поняла, что смотрит на себя без привычной внутренней брани. Просто как на живого человека после тяжёлого дня.

Это длилось секунду.

Но, возможно, именно эта секунда и стала той щелью, через которую открылся проход.

Когда её пальцы коснулись медного корпуса, мир перевернулся. Пол ушёл из-под ног. Аню закружило в вихре запахов – корица, мускат, горячий хлеб, растопленный шоколад. Она зажмурилась и закричала, но крик утонул в мягком обволакивающем шуме, похожем на шелест пересыпаемой муки.

Её не столько втянуло, сколько подхватило и обняло горячим стремительным вихрем. Внутри этого вихря мелькали не только чужие, незнакомые запахи, но и обломки собственной жизни. Мамина кухня с облезлым линолеумом и

кастрюлей манной каши. Кофейня ранним зимним утром. Пекарня напротив с блестящими круассанами. Лицо Вадима, уже удаляющееся, как ненужная декорация.

И среди всего этого вдруг проступило что-то ещё.

Стол, которого она никогда раньше не видела.

Деревянный, широкий, тёплый.

На нём лежали хлеб, масло, соль и стояла чашка с чем-то тёмным.

Не роскошь. Не пир. Просто место, где еду не надо оправдывать.

Именно за этот образ Аня почему-то и ухватилась в последний миг. Не за Вадима. Не за свой город. Не за привычную ненависть к отражению. А за стол без стыда.

Потом всё исчезло.

Остались только запахи, вращение и тихий шелест, похожий на пересыпаемую муку.

Глава 2. Падение в стог сена с ароматом муската.

Сознание возвращалось медленно, толчками. Сначала Аня почувствовала запах. Он был таким густым и насыщенным, что казалось, его можно есть ложкой. Свежескошенная лаванда, сушёные травы, мускатный орех. И ещё тепло – солнечное, ласковое, такое, которое прогревает не кожу, а всё тело сразу, до последней уставшей клеточки.

Она открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого золотистого света.

Над ней было небо.

Но не такое, как дома – серое, низкое, давящее.

Здесь оно было густо-синим, как сироп «Блю Кюрасао», с пушистыми белыми облаками, похожими на горки взбитых сливок.

Аня приподнялась на локтях и поняла, что лежит в стогу сена. Только это сено не колосось, не царапало кожу и не пахло пылью. Оно было мягким, душистым, чуть влажным от росы. Стебли переливались зелёным и охрой, а от лёгкого ветра казалось, будто весь стог едва заметно дышит.

– Где я? – хрипло спросила она.

Ответа, конечно, не было.

Она огляделась.

Перед ней тянулся луг, который мог бы присниться только человеку, заснувшему голодным. Вместо обычной травы под ногами стелился ковёр из дикого тимьяна и мяты, и каждый шаг поднимал в воздух свежую пряную волну. Вдалеке росло дерево – огромное, раскидистое, с кроной цвета топлёного масла. Но самым странным было не это. На ветвях вместо плодов висели шары. Идеально круглые, золотистые, чуть подрагивающие, с тонкими струйками пара.

Аня подошла ближе, одновременно боясь и не в силах остановиться. Протянула руку и коснулась ближайшего шара. Он оказался горячим и удивительно нежным. Кожица лопнула под пальцами, и на ладонь потекло... картофельное пюре.

Настоящее. Гладкое, как шёлк. С растопленным сливочным маслом и крошечными чёрными точками трюфельной стружки.

Запах ударил в нос – уютный, сливочный, чуть земляной. Не успев подумать, что делает, Аня поднесла испачканные пальцы к губам и лизнула.

Вк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.